

© С.А. Кан

ЮЛИЯ АВЕРКИЕВА И ФРАНЦ БОАС: ВЗАИМНАЯ СИМПАТИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Ключевые слова: история советской этнографии, история американской этнографии, Боас, Аверкиева

Используя переписку Ф. Боаса и его советской аспирантки Ю.П. Аверкиевой, автор обсуждает как их теплые личные отношения, так и серьезные разногласия по вопросу о политической ситуации в СССР и ее влиянии на науку. Привлекая такие дополнительные источники, как переписка Боаса с российскими и западными коллегами, интервью и выступления в печати, автор показывает, что, хотя Боас и симпатизировал социализму в целом и идеалам советского строя в частности даже в 1930-е годы, ему было хорошо известно и о показательных процессах, и об отсутствии политической свободы в СССР, и о возрастающем идеологическом давлении на ученых, работавших в области общественных наук, в т.ч. этнографии. Будучи лояльной комсомолкой, Аверкиева решительно отвергала взгляды отца американской антропологии, оставаясь при этом глубоко благодарной ему и за то, что он помогал ей в Нью-Йорке, и за то, что взял с собой в поле в 1930 г. Эти чувства Юлия Павловна сохранила на всю жизнь, при этом не раз критикуя теоретические взгляды Боаса с позиции ортодоксального марксизма в своих печатных работах 1950–1970-х годов.

DOI: 10.7868/S0869541518030065

Содержательная интересная статья И. Кузнецова подробно документирует взаимоотношения Франца Боаса и Юлии Аверкиевой в период их совместной полевой работы среди индейцев кваквашавакв (квакиутль) во время учебы Юлии в Барнад-колледже. Опираясь на разнообразные источники, И. Кузнецов показывает, как под влиянием американского учителя, с которым у молодого советского этнографа сложились очень теплые и дружеские (можно даже сказать родственные) отношения, Аверкиева сосредоточилась в основном на изучении узкого аспекта культуры кваквашавакв – шнуровых фигурах. Таким образом она как бы проигнорировала инструкцию директора ленинградского института Н.М. Маторина: сосредоточиться на “разложении родового строя, взаимоотношениях базиса и надстройки” и других вопросах, столь дорогих сердцу ученых Советской России.

Однако по возвращении в СССР, когда Аверкиевой пришлось выбирать тему диссертации, научные руководители быстро убедили ее вместо шнуровых фигур заняться каким-нибудь более “актуальным” явлением, которое можно проанализировать с марксистской точки зрения. Выбор пал на рабство у индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Эта статья является своего рода продолжением и дополнением к работе И. Кузнецова. В ней мне хочется проследить отношения Боаса и Аверкиевой после отъезда Юлии

Сергей Александрович Кан | <http://orcid.org/0000-0001-8565-0528> | sergei.a.kan@dartmouth.edu | Ph.D., профессор кафедры антропологии и программы по изучению коренных жителей Америки | Дартмутский Колледж (6047 Silsby Hall, Dartmouth College Hanover, NH, USA)

из Нью-Йорка. Кроме того, меня интересуют противоречия, которые существовали в сознании Аверкиевой: между любовью и глубоким уважением к Боасу, с одной стороны, и критическим отношением к Америке и американской антропологии, “отцом” которой он являлся, – с другой. Основным источником для этой статьи стала переписка ученых 1931–1937 гг., а также оценка Аверкиевой вклада Боаса в науку, встречающаяся в нескольких ее печатных работах.

Образование, которое Юлия Аверкиева получила на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ в 1925–1929 гг., было эклектичной смесью домарксистской штернбергско-богоразовской этнологии (которая сама находилась под довольно сильным влиянием Боаса; см.: *Арзютов, Кан* 2013) и элементов марксизма, привнесенных более молодым поколением советских преподавателей. В Америке ее курс в аспирантуре (1929–1930) в Барнард-колледже был чисто боасовским: руководила им ученица Боаса Г. Рейхард (1893–1955). Как было сказано выше, в типично боасовском ключе проходили и полевые исследования Аверкиевой среди кваквашавакв в 1930–1931 гг. Помимо шнуровых фигур, в ее поле зрения оказались некоторые другие аспекты местной материальной культуры и женского творчества: плетение корзинок, танцы, фольклор.

О том, что уже в Нью-Йорке между пожилым американским ученым и молодой советской аспиранткой установились теплые отношения и возникли почти родственные чувства, подробно говорится в статье И. Кузнецова. Этому весьма способствовала совместная экспедиция. Стоит, правда, отметить, что такие отношения складывались у Боаса с большинством его аспиранток, недаром они называли его “папа Франц”! Находясь вдали от семьи и привычной российской обстановки, Аверкиева, по-видимому, особенно ценила ту симпатию и уважение, которые питал к ней “отец американской антропологии”. Он же, кроме всего прочего, не мог не отметить тот факт, что участие веселой молодой женщины в его полевых работах (впервые в его практике) давало доступ к новым темам исследования и укрепляло его добрые отношения с местным индейским населением.

Не приходится сомневаться, что, помимо научных и бытовых тем, помимо восхищения местной природой, Боас и Аверкиева обсуждали и политические вопросы. Известно, что американский ученый, придерживавшийся весьма либеральных, а в некотором отношении даже социалистических взглядов, приветствовал свержение монархии в России и, несмотря на определенные сомнения по поводу большевистского режима, питал симпатии к Советскому Союзу, по крайней мере в первые годы его существования. Так, например, из ответа Боаса С. Широкогорову, просившему в 1920 и 1922 гг. помочь в поисках работы в Америке, видно, что, по мнению Боаса, российские этнологи должны были оставаться в СССР и обустраивать свою научную карьеру там. Вот, что писал он молодому ученому:

Ситуация здесь (с работой. – С.К.) настолько безнадежна, что я не вижу, как даже американские антропологи могут найти себе необходимую работу. Мне кажется, что единственная надежда для Вас и Вашего народа заключается в том, чтобы признать ту элементарную силу [elementary force], которую несет за собой социальное развитие России, и как можно лучше использовать это [to make the best of it], стараясь на этой основе построить более счастливую жизнь (APS: FB to Sergei Shirokgoroff 07.13.1920).

Согласно письму В.И. Иохельсона Л.Я. Штернбергу, написанному вскоре после отъезда супругов Иохельсонов из СССР в Америку в 1922 г., Боас симпатизировал Советской России и даже собирался посетить ее (АРАН 1)¹. Когда же Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз наконец встретились со своим американским коллегой после двенадцатилетнего перерыва на Международном конгрессе американистов в Гааге и Стокгольме летом 1924 г., как Л.Я. Штернберг отмечал в письме к жене, Боас выражал более радикальные социалистические взгляды, чем они сами; прожив семь лет под большевиками, эти два бывших

народовольца и правых эсера значительно умерили свой радикализм (Kan 2009: 328). Наконец, в своем докладе, прочитанном на съезде Американской ассоциации содействия развитию науки в 1931 г., Боас заявил, что одним из примеров взлета социальной активности в мире, не связанной с военной угрозой, была “преданность современной советской молодежи своим идеалам” (NYT).

В то же время Боас был наверняка достаточно хорошо осведомлен (как из прессы, так и от своих российских коллег) об укреплении однопартийной системы в Советской России, о преследованиях инакомыслящей интеллигенции и росте догматизма в гуманитарных и социальных науках – процессах, начавшихся вскоре после 1917 г. и ускорившихся в конце 1920 – начале 1930-х годов (Kan 2009)². Все это не могло не охладить энтузиазма американского ученого по отношению к социалистическим преобразованиям, о которых гордо сообщали зарубежные советские периодические издания, просоветские западные журналисты и ученые. Быть может, он надеялся, что обучение и стажировка молодых ученых из России в Штатах под его руководством хоть как-то поможет смягчить растущий догматизм советской этнологии и будет способствовать преодолению барьеров и укреплению научных контактов между двумя странами. К сожалению, его надежды не оправдались. Аверкиева оказалась единственной советской аспиранткой, учившейся в США, а хорошее знание английского языка и американской научной литературы довольно слабо повлияло на ее мировоззрение и качество ее научных работ, затрагивавших теоретические вопросы. Личная симпатия и уважение к “папе Францу” – это одно, а наука, основанная на догмах марксизма – другое.

Смешанные чувства, которые американский ученый испытывал к Советскому Союзу, четко отразились и в его интервью американскому корреспонденту “Правды” по случаю пятнадцатой годовщины Октября. Боас заявил, что “человечество может только поучиться у СССР” и что “его великий эксперимент заслуживает поддержки”. Кроме того, ученый приветствовал независимость науки от частных филантропов в Советской России. В то же время он отметил, что догматизм, будь он капиталистический или коммунистический, несовместим с поисками истины (APS: Moissaye Olgin to FB 10.26.1932; FB to Moissaye Olgin 11.05.1932). Упомянутый Боасом “догматизм” явно относился к советской этнологии, об ухудшении ситуации в которой ученый был неплохо осведомлен. В конце 1930-х годов в одном из писем американскому коллеге Боас писал: “...советские антропологи начали подвергать меня остракизму еще в 1932 г.” (APS: FB to Harry Schneiderman 05.15.1939).

Как правильно указывает И. Кузнецов, уже самое первое письмо Юлии Боасу, написанное по дороге в СССР из Лондона, пропитано как любовью к своему учителю и его семье, так и советским духом. Юная комсомолка не могла удержаться от резкого замечания по поводу “разложения” Америки, переживающей депрессию (APS: JA to FB 05.09.1931). То же настроение чувствуется и в следующем письме с дороги: по словам Юлии, самым сильным ее впечатлением от пребывания в Англии стало посещение могилы Маркса (APS: JA to FB 12.05.1931). Очередное ехидное замечание по поводу “страны свободы” (США), которая, по словам Аверкиевой, “наверное ничуть не лучше Германии”, где в это время находился “папа Франц”, содержится и в следующем письме (APS: JA to FB 09.07.1931). Два письма Аверкиевой Боасу, написанные в конце 1931 г., отражают “великий перелом” в советской этнографии, происходивший в этот момент (Соловей 1998; Алымов, Арзютов 2014). Юлия сообщает:

Здесь проходят большие дискуссии о том, что является предметом и методом антропологии. Ее поле было столь велико, что не было ничего определенного. В целом упор делается на то, что антропология должна сузить поле своей деятельности и быть чем-то более определенным. Это должна быть история доклассового общества. И в этих рамках она должна уже далее специализироваться на истории материального производства, социальных организаций, религии, искусства и т.д. Конечно, есть и оппозиция, но большинство соглашается с этой точкой зрения (APS: JA to FB 12.19.1931).

Как известно, в связи с этим новым подходом резко усилилась критика американских антропологов советскими. Так, описывая в письме Боасу доклад, сделанный в МАЭ/ИАЭ Е. Голомштоком, американским антропологом российского происхождения и учеником А.Л. Крёбера, о состоянии антропологии в США, Аверкиева сообщала, что она и ее коллеги пришли к выводу, что большинство американских ученых “погрязло в эмпиризме” и придерживается “консервативных” взглядов. По ее словам, отсутствие какой-либо единой “школы” в американской этнологии также вызвало критику сотрудников МАЭ/ИАЭ (APS: JA to FB 10.25.1931). Однако при этом сам Боас оставался для советских этнографов прогрессивным ученым (по крайней мере с точки зрения его политических взглядов и деятельности), заслуживавшим похвалы, в т.ч. и как единственный среди своих коллег, выступивший в защиту “ребят из Скоттсборо” (*Scottsboro Boys*) — группы молодых афроамериканцев, несправедливо обвиненных в 1931 г. в изнасиловании двух белых женщин.

Шагая в ногу со временем, сама Аверкиева тоже решила заниматься этнографией с “марксистской точки зрения”, или, как она объясняла “папе Францу”, «с точки зрения “диалектического материализма”». Юлия, правда, скромно признавалась, что не сильна в марксистском методе и что ей предстоит еще много потрудиться в этой области. По-видимому, речь шла о ее кандидатской диссертации, которая, как указывалось выше, в конечном счете оказалась посвящена проблеме рабства у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Поскольку единственная полевая работа молодого советского этнографа прошла среди кваквявакв, перед ней встала задача интерпретации в свете марксизма этого индейского сообщества: нужно было найти у них классы. Недаром же, как писала она Боасу, у кваквявакв действительно существовало определенное социально-экономическое неравенство и даже рабство! В одном из последних своих писем Юлия даже напомнила своему учителю, что он сам, кажется, утверждал в ранних работах, что такие классы у кваквявакв существовали; о них она и просила его теперь рассказать (APS: JA to FB 10.21.1935)³.

К чести Аверкиевой нужно отметить, что ее поворот к марксизму не означал полного отказа от идей американского наставника и потерю интереса к тому большому этнографическому материалу по шнуровым фигурам, который она собрала под его руководством в поле. Напротив, Юлия продолжала интересоваться как этим материалом, так и жизнью своих (общих с Боасом) информантов. Более того, в первом письме от 1932 г. советская аспирантка сообщала, что в данный момент занимается изучением работ самого Боаса и что дается ей это очень нелегко. “Учение” Боаса кажется трудным, поскольку требует “знания философских вопросов”. Тем не менее в этом же письме она соглашается с боасовской критикой экономического детерминизма, хотя и подчеркивает, что последний не может отождествляться с марксизмом (APS: JA to FB 03.02.1932).

Несмотря на трудности в понимании идей “отца американской антропологии”, Аверкиева со своим знанием английского языка и американской антропологической литературы явно завоевывала себе место в МАЭ/ИАЭ как специалист по коренным народам Северной Америки и как критик “буржуазной” англоязычной (и в особенности американской) антропологии. В следующем письме учителю весной 1932 г. Юлия пишет, что ей поручено сделать доклад о ведущих американских антропологах и она выбрала его, А.Л. Крёбера и Р. Лоуи (APS: JA to FB 05.04.1932). В 1932 г. этот доклад был напечатан (*Аверкиева* 1932).

В переписке 1932–1933 гг. между Аверкиевой и Боасом завязался спор по поводу вышедшей в 1931 г. книги американского журналиста Р. Гесснера “Резня” (*Massacre*), в которой автор в самых мрачных красках описал положение североамериканских индейцев и осудил политику Федерального бюро по делам индейцев (*Bureau of Indian Affairs*). Советской комсомолке такая критика была очень близка, хотя Юлия вынуждена была признать, что ничего подобного описываемым Р. Гесснером ужасам она в селениях кваквявакв не наблюдала (APS: JA to FB 08.08.1932). В ответ на просьбу высказать свое

мнение об этой книге Боас писал, что в политике в отношении индейцев, безусловно, есть много недостатков, однако Р. Гесснер “все ужасно преувеличил” (APS: FB to JA 05.25.1933).

С приходом к власти Гитлера в переписке Аверкиевой и Боаса появилась новая тема. “Папа Франц” периодически жаловался, что много времени у него теперь отнимает борьба с нацистской пропагандой, а Юлия писала, что, хотя “фашистская Германия стала врагом № 1 Советского Союза”, она ему не страшна (APS: JA to FB 10.09.1933). В связи с установлением на родине Боаса режима, некоторые черты которого напоминали ему сталинский, между учителем и его советской ученицей начались серьезные разногласия. Из писем Аверкиевой ясно, что Боас по-прежнему не ставил на одну доску нацистскую Германию и сталинскую Россию, тем не менее определенные параллели между ними все же проводил, и это вызывало резкие возражения его ленинградской корреспондентки. Вот один пример, показывающий, что Боас сравнивал репрессии гитлеровского и сталинского режимов, что вызывало несогласие Юлии. “Вы ставите на одну черту наши притеснения с притеснениями нацистов”, – писала ему она. “Думаю, это невозможно. Это – полностью противоположные вещи. Они угнетают угнетенных, а мы – угнетателей” (Там же)⁴. Подобного рода мысли Боас выражал и в переписке со своим ближайшим российским другом и коллегой В.Г. Богоразом, признавая при этом, что идеалы коммунизма и фашизма диаметрально противоположны. Так, в письме от 16 июля 1933 г. он писал: “То давление изнутри, что происходит сейчас в Германии, должно быть весьма похоже на ситуацию у вас. Но большая разница состоит в том, что ваши идеалы, это гуманные идеалы, которым я симпатизирую, а идеалы Германии полны нетерпимости и ненависти” (АРАН 2).

После 1933 г. письма от Аверкиевой в Америку стали приходиться реже: в 1934 г. их было всего два, а потом наступил большой перерыв, длившийся два с половиной года. По всей вероятности, виной тому было резкое ухудшение политической атмосферы в стране, отразившееся и на судьбе молодого этнографа. По-видимому, переписка с Америкой становилась все более рискованной. Может быть поэтому второе письмо Боасу Аверкиева передала через американского студента, посетившего ИАЭ. В 1934 г. Юлия Павловна разошлась со своим первым мужем, русским эмигрантом из США, который вскоре был арестован и, по всей вероятности, расстрелян (*Нумобург* 2003: 407). В конце 1934 г. на волне репрессий, последовавших за убийством Кирова, был исключен из партии и вскоре арестован директор ИАЭ Н.М. Маторин, через год такая же судьба постигла и его преемника А.А. Бусыгина. В связи с этими событиями летом 1936 г. была исключена из ВЛКСМ и Аверкиева, убежденная комсомолка, комсорг института⁵. Около года ей пришлось проработать в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, но в середине 1937 г. она смогла вернуться в институт, переименованный к этому времени в Институт этнографии.

Письмо Аверкиевой к Боасу, датированное 10 мая 1937 г., было последним и весьма коротким. Юлия явно не хотела описывать события, произошедшие с ней в последние годы, ограничившись словами, что “за это время очень многое произошло” в ее жизни, о чем Боасу сможет рассказать американский аспирант Арчи Финни, собиравшийся домой после нескольких лет стажировки в ИАЭ. В этом письме Юлия написала: “...единственное, что было и остается неизменным – это мой интерес к изучению американских индейцев”. И это действительно было так: за год до увольнения из ИАЭ Аверкиева защитила кандидатскую диссертацию, написанную в духе догматического марксизма 1930-х годов. Эта работа не может считаться значительным вкладом в американистику, а потому не представляет сегодня большой ценности для специалистов в этой области. Гораздо более интересным документом является отзыв на нее В.Г. Богораз – научного руководителя Аверкиевой⁶.

Несмотря на то что отзыв этот не датирован, он мог быть написан не ранее 1934 г. и не позднее 1935 г., т.е. в самом конце жизни В.Г. Богораз, когда ученый изо всех сил

пытался пересмотреть свои научные взгляды и переделать свои основные этнографические работы с позиций марксизма. Давалась эта идеологическая “перестройка” пожилому этнологу тяжело, т.к. в целом он оставался этнографом-эмпириком и эклектиком в области теории, а также во многом придерживался взглядов Боаса, не всегда, правда, на них ссылаясь (Кан 2007). Последнее явно прослеживается в критических положениях его отзыва на диссертацию молодой марксистки, на основных пунктах которого остановимся подробнее. Отдавая дань времени, В.Г. Богораз начинает с положительных слов в адрес Аверкиевой. Так, он отмечает, что Юлия ставит “весьма важный социологический вопрос на американском материале” и приветствует тот факт, что она “впервые попыталась сгруппировать все эти материалы (цитаты и ссылки на путешественников XVIII и XIX вв. — С.К.) и подвергнуть их социологическому анализу, притом на основе марксистско-ленинского метода”. Характеризуя диссертацию Аверкиевой как “совершенно своевременную”, В.Г. Богораз также указывает, что Юлия обладает “специальными данными: хорошим знанием английского языка, двухлетним пребыванием в Америке и учебой в Университете под руководством профессора Франца Боаса, наконец этнографической экспедицией на остров Ванкувер к народу квакиутль”. Тем не менее маститый этнограф подчеркивает, что “по своей молодости, в то время Аверкиева являлась только ученицей, и мы не имеем ее полевых работ. Также не имеем описания работ профессора Боаса во время экспедиции”. В связи с этим В.Г. Богораз советует Аверкиевой “предпослать своей работе краткое предисловие, где была бы указана ее поездка в Америку и роль профессора Боаса, всемерно облегчившего ей жизнь и обучение в незнакомых условиях Америки”. Он также напоминает Юлии, что было бы уместно выразить благодарность Боасу, а также начать диссертацию с описания их совместной поездки на о. Ванкувер и полевых работ там (с. 1). В.Г. Богораз критикует диссертацию Аверкиевой за невнимание к анализу американских источников, “которыми она раньше занималась, но не включила в саму работу”. Отсутствие упоминаний трудов Боаса вызвало особое недовольство его старого друга. По словам В.Г. Богораза, “в анализе источников все же нужно было бы выделить главенствующее значение Боаса, который посвятил столько лет своей научной жизни изучению северо-западных индейцев” (с. 2). Принимая во внимание ситуацию в антропологической науке, в ИАЭ и положение самой Юлии Павловны в 1935 г., а также тот факт, что в 1935–1936 гг. она приостановила свою переписку с “папой Францем”, отсутствие имени американского учителя в ее диссертации вполне объяснимо.

Отзыв В.Г. Богораза заканчивается типично боасовской критикой в связи с почти полным отсутствием в работе лингвистического материала. В заключение ученый рекомендует присудить Аверкиевой кандидатскую степень, подчеркивая при этом, что ее “научная работа только начинается” и советуя всерьез заняться изучением языка квак-вак-вак-вак, используя опубликованную грамматику и анализ полевых записей Юлии. И. Кузнецов считает, что замена темы диссертации, изначально посвященной “шнуровым фигурам” (по которым Аверкиева собрала огромный материал), на гораздо более “актуальную” произошла “по напутствию Богораза”. В свете рассмотренного выше отзыва с этой точкой зрения трудно согласиться. Как ни старался В.Г. Богораз “встать на марксистские рельсы” в конце жизни, этнограф-полевик в нем не мог умолчать о серьезных недостатках диссертации Аверкиевой, основанной почти полностью на письменных источниках, а не на собственных этнографических исследованиях. А как старый друг и коллега Боаса В.Г. Богораз не мог простить Юлии замалчивание всего того, что американский ученый сделал для нее.

Несколько лет спустя Аверкиевой удалось исправить свою ошибку: в опубликованном в мае 1941 г. варианте диссертации используются некоторые ее полевые наблюдения и фотографии, сделанные среди квак-вак-вак-вак в 1930 г., и выражается глубокая признательность Боасу. Текст этой прочувствованной благодарности стоит процитировать полностью:

Я считаю своим долгом выразить искреннюю признательность профессору Колумбийского университета в Нью-Йорке, главе американской этнографической науки Франсу Боасу, который руководил моими занятиями в упомянутом университете. Благодаря любезному приглашению профессора Ф. Боаса, я имела счастливую возможность участвовать в экспедиции на северо-западное побережье Северной Америки под его непосредственным руководством и лично наблюдать и знакомиться с жизнью индейцев квакиютль — одного из племен этого района (Аверкиева 1941: 3).

Наиболее же положительную оценку вклада Ф. Боаса в науку Юлия Павловна дала в подробном некрологе ученого, напечатанном в Кратких сообщениях Института этнографии в самом начале 1946 г., где охарактеризовала ученого как прогрессивного общественного деятеля и замечательного человека. Некролог этот был написан или в 1943—1945 гг., когда Юлия Павловна со своим вторым мужем и детьми жила в Москве и числилась в докторантуре Института этнографии, или во второй половине 1945 г., когда семья поселилась в Китае, куда муж Юлии был послан в качестве советского посла (Нитобург 2003: 409). Как сообщает Э.Л. Нитобург (Там же: 410—411) в биографическом очерке об Аверкиевой, дружеские отношения с проживавшими там американцами и получение от них книг по этнографии, вероятно, сыграли определенную роль в том, что в ноябре Юлия Павловна была арестована по обвинению в шпионской деятельности и в “преступной связи с троцкистами”. По иронии судьбы среди этих “троцкистов” оказались и В.Г. Богораз, и Ф. Боас (Там же: 412—413)!

Некролог, написанный Аверкиевой, начинается с характеристики Боаса как “лучшего представителя науки”, “крупнейшего ученого Америки” и “знаменитого антрополога, этнографа и лингвиста” (Аверкиева 1946: 101, 111). Вслед за этим Юлия Павловна отмечает, что “ученые и культурные деятели нашей страны знают Боаса как прогрессивного ученого, подлинного демократа, дружески относившегося к Советскому Союзу” (Там же). В некрологе упоминается о моральной поддержке Боасом Страны Советов и организация им помощи СССР в годы недавней войны. Аверкиева подробно останавливается на многолетней борьбе американского этнографа с расистскими идеями — как американскими, так и немецкими. Не обойдено молчанием и многолетнее научное сотрудничество Боаса с российскими учеными-народовольцами, “наиболее прогрессивной частью дореволюционного русского общества” (Там же: 102). Юлия представляет это сотрудничество как “тяготение” Боаса к России (после 1917 г. превратившееся в тяготение к СССР) и ее ученым. Отмечен в некрологе и обмен аспирантами между двумя странами, организованный Боасом. Как ни странно, Аверкиева утверждает, что благодаря этому обмену в США стажировалось пять советских выпускников вузов, хотя хорошо известно, что она была единственной студенткой, посланной в Америку. Однако своего имени Юлия Павловна не упоминает! Случаен ли такой пропуск?

Подробно перечисляя научные заслуги “отца американской антропологии”, Аверкиева изо всех сил старается не критиковать его, делая упор на огромном вкладе Боаса в изучение аборигенов Северной Америки, в подготовку профессиональных этнографов, в основание нескольких антропологических журналов и антропологических обществ, в т.ч. международных.

Обсуждая теоретические и методологические идеи Боаса, Юлия Павловна утверждает, что их “характеризует крайний скептицизм ко всем общим теориям развития человеческого общества в целом” (Там же: 106). Признавая, что уже в ранних своих работах Боас выступал как резкий критик эволюционизма, Аверкиева настаивает на том, что в некоторых из них, посвященных развитию культуры на северо-западном побережье Америки, все же чувствуется влияние Л.Г. Моргана (Там же). Таким образом, американский ученый оказывается в истолковании Аверкиевой относительно прогрессивным, несмотря на свой скептицизм. Еще одним доказательством этого является, с ее точки зрения, критика Боасом “реакционных” ученых: А. Бастиана с его “элементарными идеями”,

“клерикала” патера В. Шмидта, Ф. Ратцеля с его географизмом, Э. Смита и некоторых других. В интерпретации Аверкиевой скептицизм Боаса был направлен главным образом на этих реакционеров с бредовыми глобальными теориями, а не на классических эволюционистов, почитаемых советскими учеными, таких как Э. Тайлор и Л.Г. Морган.

Стараясь представить образ своего любимого учителя в наиболее выгодном свете, Юлия Павловна проводит резкую границу между им самим и его учениками. С точки зрения Аверкиевой, хотя Боас и настаивал на том, что всестороннее изучение отдельных культур должно было предшествовать какому-либо сравнительному их анализу и познанию общих законов развития человечества, он не отвергал легитимность подобных теоретических исследований (Там же: 107). Его ученики, напротив, по выражению Аверкиевой, впали “в полнейший нигилизм в вопросах развития человеческого общества... сделав изучение культур отдельных областей самоцелью” (Там же).

Историзм, которым руководствовался Боас в толковании явлений культуры отдельных народов, тоже получает положительную оценку. Если с такой интерпретацией теоретических и методологических взглядов Боаса можно более или менее согласиться, ничего кроме недоумения или улыбки не вызывает попытка советского этнографа доказать, “что при объяснении ряда конкретных проблем Боас часто выступал как стихийный материалист” (Там же: 108).

Заканчивается некролог упоминанием прогрессивной деятельности Боаса, направленной на борьбу за права североамериканских индейцев (и в особенности квакваша-вакв), а также несколькими штрихами, дополняющими его образ как человека незаурядного. Так, например, не указывая, что она сама была свидетелем описываемого, Юлия отмечает, что даже в 72 года Боас руководил этнографической экспедицией к индейцам квак и с ловкостью, необычной для его возраста, совершал экскурсии по горам и лесам. Пишет Аверкиева и о том, как любили молодые ученики “папу Франца”, как он всеми силами помогал им в поиске средств для полевых работ (Там же: 111).

Таким образом, Юлия Павловна смогла отдать долг своему учителю. Вернувшись к научной работе в 1954 г., она продолжила заниматься этнографией и историей североамериканских индейцев и, естественно, часто цитировать Боаса. К серьезному подробному анализу его воззрений на теорию и методы этнологии Юлия Павловна вернулась только в конце 1970-х годов в монографии “История теоретической мысли в американской этнографии”, вышедшей за год до ее смерти. Работа написана с позиций догматического советского марксизма и щедро снабжена цитатами В.И. Ленина, целая глава в ней посвящена Боасу и его роли в формировании “исторической школы” в американской культурной антропологии. Не вдаваясь в подробности интерпретации боасовской антропологии Аверкиевой, мне хотелось бы понять сохранила ли она пиетет к своему учителю (отличавший ее в 1930–1940-е годы) в последнее десятилетие своей жизни.

В то время как в некрологе, в силу его формата, Аверкиева не могла обсудить философские корни “принципиального эмпиризма” Боаса, в монографии она подробно разбирает влияние таких “реакционных” философских течений конца XIX – начала XX в., как неопозитивизм и неокантианство на научное мировоззрение “отца американской антропологии”. В то же время, будучи советским ученым, Аверкиева на основе доклада своего учителя “Задачи этнологии” (1888 г.) вновь настаивает на влиянии Л. Моргана на раннего Боаса. С сожалением она отмечает, что в конце 1890-х годов ученый отмежевался от своих ранних взглядов и выработал скептическое отношение к любым теоретическим построениям.

В целом подробный анализ теоретических взглядов Боаса, проведенный Аверкиевой в этой поздней работе со строго марксистских позиций, приводит ее к выводу, что в основном они были ошибочны. В то же время Юлия Павловна отдает должное некоторым постулатам своего американского ментора, которые, по ее мнению, или соответствуют марксистским идеям, или по крайней мере близки им. В таком подходе видно желание Аверкиевой хоть как-то обелить “папу Франца”, изобразив его более прогрессивным ученым,

чем значительная часть его американских коллег и учеников. Так, на основе одной цитаты из поздней работы Боаса Юлия Павловна вновь высказывает предположение, что “отец американской антропологии” или испытал некоторое влияние марксизма, или “стихийно пришел к материалистическому объяснению происхождения классов” (Аверкиева 1979: 94).

Положительно оценивает Аверкиева общественно-политические взгляды Боаса, в особенности его резкую критику расистских теорий немецких фашистов, а также расизма, национализма и шовинизма, проявившихся как в американской науке, так и в американском обществе. Высокая оценка также дана ею антивоенным и антиимпериалистическим выступлениям американского ученого в годы Первой мировой и резко антифашистской и просоветской позиции в годы Второй мировой войны. Называя своего покойного друга и учителя представителем леволиберального крыла американской науки, Юлия Павловна отмечает, что он “относился к той категории ученых, о которых говорят, что сами они лучше своих философско-исторических концепций” (Там же: 99). Эта цитата как нельзя лучше суммирует отношения Франца Боаса и Юлии Аверкиевой: сочетание глубокой симпатии и серьезных политических и научных расхождений.

Примечания

¹ В начале 1930-х годов Боас вновь подумывал о посещении СССР и обсуждал этот вопрос в письмах к В.Г. Богоразу. Однако по каким-то причинам визит этот не состоялся.

² Помимо прессы эта информация поступала к Боасу от его российских коллег В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберга и В.И. Иохельсона (Кан 2007).

³ В своем письме от 25.10.1931 Аверкиева наивно спрашивала Боаса, что он думает о классовом значении тайных обществ кваккывавакв.

⁴ При этом в том же письме Аверкиева спокойно сообщала Боасу о чистке партийных кадров, проходившей в СССР в это время, явно рассматривая ее как должное.

⁵ Инцидент с ее исключением подробно описан в статье Э.Л. Нитобурга (Нитобург 2003: 408–409).

⁶ Документ этот был обнаружен автором в 2001 г. в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в процессе работы над биографией Л.Я. Штернберга.

Источники и материалы

АРАН 1 – Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 282. Оп. 2. Д. 24.

АРАН 2 – Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 252. Оп. 4. Д. 35.

APS – American Philosophical Society Archives. Franz Boas Correspondence.

NYT – War and Prejudice Called Ill for Man // New York Times. 06.19.1931. P. 5.

Научная литература

Аверкиева Ю.П. Современная американская этнография // Советская этнография. 1932. № 2. С. 97–102.

Аверкиева Ю.П. Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1941.

Аверкиева Ю.П. Франц Боас (1858–1942). Краткие сообщения Института этнографии. 1946. № 1. С. 88–101.

Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.

Арзютов Д., Кан С. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.

Арзютов Д., Альмов С., Андерсон Д. (ред.) От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Кан С. Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191–230.

Нитобург Э. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы / Под ред. Д.Д. Тумаркина. Т. 2. М.: Восточная литература, 2003. С. 399–428.

Соловей Т. От “буржуазной этнологии” к “советской” этнографии. М.: РАН, 1998.

Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

Research Article

Kan, S.A. Yulia Averkieva and Franz Boas: Mutual Affection and Ideological Disagreements [Yuliia Averkieva i Frants Boas: vzaimnaia simpatiiia i ideologicheskie raznoglasiia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 70–79. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Sergei Kan | <http://orcid.org/0000-0001-8565-0528> | sergei.a.kan@dartmouth.edu | Dartmouth College (6047 Silsby Hall, Hanover, NH 03755, USA)

Keywords

history of Soviet anthropology, history of American anthropology, Boas, Averkieva

Abstract

Using the correspondence between Franz Boas and his Soviet graduate student Yulia Averkieva, this paper discusses both their warm personal relationship and their different views on the political situation in Soviet Russia in the 1930s and its impact on academic research. Boas' letters to his Russian graduate student as well as excerpts from his correspondence with Russian and American colleagues, interviews, and publications are used to demonstrate that while he remained sympathetic to socialism in general and to the lofty goals of the Soviet state in particular even in the 1930s, he was well aware of the show trials and the lack of freedom in the USSR as well as an increasing ideological pressure on scholars working in the social sciences, including anthropology. A loyal supporter of the Soviet regime and a Young Communist League member, Averkieva strongly disagreed with the father of American anthropology, while always remaining deeply grateful to him for mentoring her in New York and taking her to the field in 1930. She retained those sentiments for the rest of her life, even while criticizing Boas' theoretical views from an orthodox Marxist perspective in several of her publications in the 1950–70s.

DOI: 10.7868/S0869541518030065

References

- Arziutov, D., S. Alymov, and D. Anderson, eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchaniie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Conference of Moscow and Leningrad Ethnographers (5–11 April, 1929)]. St Petersburg: MAE RAS.
- Arziutov, D., and S. Kan. 2013. Kontseptsiiia polia i polevoi raboty v rannei sovetskoi etnografii [The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 45–68.
- Averkieva, Yu.P. 1932. Sovremennaia amerikanskaia etnografiia [Contemporary American Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 97–102.
- Averkieva, Yu.P. 1941. *Rabstvo u indeitsev Severnoi Ameriki* [Slavery among the Indians of the North America]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk.
- Averkieva, Yu.P. 1946. Frants Boas (1858–1942) [Franz Boas (1858–1942)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* 1: 88–101.
- Averkieva, Yu.P. 1979. *Istoriia teoreticheskoi mysli v amerikanskoi etnografii* [A History of Theoretical Thought in American Ethnography]. Moscow: Nauka.
- Kan, S. 2007. Moi drug v tupike empirizma i skepsisa: Vladimir Bogoraz, Franz Boas i politicheskii kontekst sovetskoi etnologii v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [My Friend in the Deadlock of Empiricism and Skepticism: Vladimir Bogoraz, Franz Boas and the Political Context of Soviet Ethnology in the Late 1920s – Early 1930s]. *Antropologicheskii forum* 7: 191–230.
- Kan, S. 2009. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Nitoburg, E. 2003. Yu.P. Petrova-Averkieva: uchenyi i chelovek [Yu.P. Petrova-Averkieva: A Scholar and Person]. In *Repressirovannye etnografy* [Repressed Ethnographers], edited by D.D. Tumarkin, 2: 399–428. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Solovei, T. 1998. *Ot “burzhuaznoi etnologii” k “sovetskoi” etnografii* [From “Bourgeois” Ethnology to “Soviet” Ethnography]. Moscow: RAN.